CONGRESSUS SEPTIMUS INTERNATIONALIS
FENNO-UGRISTARUM

DEBRECEN 27. VIII.–2. IX. 1990.

SESSIONES SECTIONUM

DISSERTATIONES

LITTERARIA

REDIGUNT

ISTVÁN DOBOS
LÁSZLÓ KERESZTES
SÁNDOR MATICSÁK
ÁGNES PALKÓ
ATTILA TAMÁS
PÁL VARGA

DEBRECEN, 1990

Publication sponsored by:
Magyar Tudományos Akadémia (MTA – Hungarian Academy)
MTA-Soros Alapítvány (Soros Foundation)
Művelődési Minisztérium (Ministry of Education)
Magyar Kereskedelmi és Hitelbank "Universitas" Alapítványa
(“Universitas” Foundation of the Hungarian Trade and Credit Bank)

ISBN 963 471 697 0

Készült a Kossuth Lajos Tudományegyetem
Sokszorosító Üzemében 300 példányban
Terjedelem 8 A/5 ív

90–1000

РОМАНТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. Г. ШКЛЯЕВ

Ижевск (SU)

Несмотря на то, что удмуртская литература считается изученной, в ней найдётся целый ряд произведений, которые до сих пор остаются "непрочитанными" или подвергаются односторонней и плоской трактовке. Я имею в виду не только произведения репрессированных и забытых писателей, но и тех, чья жизненная и творческая судьба складывалась относительно благополучно. Дореволюционное наследие молодой финно-угорской литературы долгое время представлялось бедным и не заслуживающим внимания, а послереволюционная литература, согласно господствовавшим теориям, развивалась исключительно по законам социалистического реализма, и всё, что не укладывалось в эту схему, оказывалось в стороне от главного русла литературного процесса и не попадало в поле зрения исследователей. Как правило, это были произведения, тесно связанные с фольклором, с яркой национальной самобытностью, развёртывающие сюжеты из древних времён или, наоборот, рассказывающие о жгучей современности. На многие из них были наклеены ярлыки национализма и пессимизма, а если они и входили в хрестоматии, то оставались как бы "вещью в себе". По своим идейно-эстетическим признакам эти произведения и составляли ту литературу, которую принято называть романтической. Советская критика, у истоков которой стояла печально-знаменитая статья А. Бадеева "Долой Шиллера!", призывавшая отвергать романтизм, очень сдержанно относилась к одному из направлений мировой классики, охраняя советскую литературу от его влияния, и в лучшем случае отводила ему роль стилевого течения. Поэтому с большей настойчивостью о романтическом направлении в удмуртской литературе говорили зарубежные учёные /Петер Домокош, Жан-Люк Моро/. О романти-

ческих началах в удмуртской литературе писал ещё в 20-е годы М.Г.Худяков, но его работа "О романтизме вотского эпоса" осталась в рукописи и до сих пор не опубликована. В 30-50-е годы романтизм не только поощрялся, но на него вели активное наступление. С позиции неприятия романтизма подвергалась критике поэзия ученика русского символиста Валерия Брюсова - Кузубая Герда, не переиздавалась "историческая трилогия" Кедр Митрея, до сих пор лишь частично переизданы стихи из сборника "Крезьчи"/"Гусляр"/ К.Герда; под давлением догматической критики был вынужден в своё время переделать свою романтическую пьесу "Холодный ключ" И.Гаврилов и поэму "Италмас" М.Петров.

Романтизм в удмуртской литературе появился в начале XX века. Толчком ему послужили первая русская революция, разрушение патриархальных отношений, развернувшееся национально-освободительное движение. Но, как пишет исследователь русского романтизма Ю.Манн, "любое прямое выведение художественного конфликта из наличного соотношения социальных сил и из исторической конъюнктуры едва ли приведёт к убедительным результатам, так как при этом не учитывается конвенциональность собственно художественного ряда". Почвой для возникновения романтизма в поволжско-уральском регионе были распространение гуманистических идей и полемика с религиозным и узко-просветительским просветительством в пределах накопленного художественного опыта. Таким опытом были фольклор, первые произведения удмуртской литературы, доступная начинающим писателям мировая классика. Выдающийся представитель удмуртского романтизма Кедр Митрей, как и его собрат из другой пермской литературы коми-Калистрат Жаков, был этнографом, собирателем фольклора и широкообразованным в европейском смысле человеком. Характерно, что в повести "Дитя большого века", представляющей исповедь бывшего семинариста, автор акцентирует свой интерес к фольклору, знакомство с финским этнографом Уно Хольмбергом и удмуртским учёным Г.Верещагиным. Но связь с фольклором здесь только декларирована, по своей структуре "Дитя большого века" восходит к русской сентиментальной и романтической повести и житийной повести удмуртского педагога И.Михеева "Три года дьявола возил". В повести изображена судьба типичного роман-

тического героя. Исключённый из Казанской учительской семинарии за отказ учить "закон божий" молодой человек с утончёнными чувствами скитается в поисках работы и странствует в целях изучения своего края. Исповедь его наполнена пафосом обличительства тупых священников, жестокосердых людей и трогательной любви к друзьям и матери. Автор пишет о себе с такой чувствительностью, что невольно вызывает к себе жалость. Страдание его так велико, что он подумывает даже о самоубийстве.

В начале XX века у Кедре Митрея, как и у других писателей молодых финно-угорских литератур Поволжья и Урала, складывается свой выстраданный гуманистический идеал человека. Как писал мордовский поэт Э. Дорофеев, "в мире дольном и безбрежном нет сильнее человека". Молодой писатель чувствовал, что его идеалу невозможно осуществиться в современных условиях, и он обращается к ситуациям в прошлом. Так в творчестве его появляется оппозиция "настоящее-прошлое", которая становится структурообразующим принципом всех частей его "исторической трилогии" о батырах: трагедии "Эш-Төрөк", драмы "Идна-батыр", поэмы "Күбер-батыр". Современные конфликты автор как бы проецирует на национально-исторический материал и пытается найти ответы на вопрос: "что явилось причиной отклонения от исходного образца?", "где причины измельчания человека?" Сюжет о батырах, задействованный Кедром Митреем, породил целый ряд фольклорно-эпических романтических произведений /"Янтыр-батыр", "Непобедимый батыр" И. Яковлева, "Эш-Төрөк" Н. Вантерякова/, в том числе "Из сказаний удмуртского народа" М. Худякова. Но сама трилогия Кедре Митрея не получила признания, метод её был назван "ложным романтизмом" /А. Ермолаев/: слишком далёкими друг от друга оказались соотносимые в них исторические уровни, слишком условны герои. Из удмуртского фольклора романтизм нашёл более подходящего героя - Беглоя. Сюжет о Беглое был самым продуктивным и популярным. На его основе были созданы баллада М. Можгина "Беглой", повесть И. Соловьёва "Длинный лог", поэма М. Тимашева "Канит", пьеса "Холодный ключ" и поэма "Санй" И. Гаврилова, повесть К. Герда "Матй". Одним словом, в удмуртской литературе образовалась целая Беглояда, которая может рассматриваться как национально-самобытное явление удмуртской ли-

температуры. Именно на нём я более подробно остановлюсь.

Народные песни и легенды говорят о том, что Беглой вынужден скрываться в лесу или от того, что, не выдержав унижений, сбежал из армии, или от того, что отомстил за несправедливо обиженного отца и боится преследований недругов. Конец этих историй тоже бывает разным: или Беглоя ловят урядники, или он просто обречён погибнуть в одиночестве. Баллада М. Можгина почти вся состоит из вопросов автора-повествователя и ответа-монолога, исповеди Беглоя. Причём, в вопросах повествователя заключены все предполагаемые оправдательные мотивы бегства. Рассказывая о своих страданиях, Беглой хочет разжалобить слушателя, ищет у него сочувствия, сострадания, заступничества, убеждает в своей невинности, о несправедливости людского суда, о своём терпении, о физической боли, которую пришлось ему испытать, о крови и слезах, которые бежали по его лицу. По силе переживания Беглоя мы можем понять, что это смелая и неординарная личность. Оказывается, запертый в клет, он набрался мужества выбить фундамент и бежать. Заключительной сценой, где урядники, обнаружив, убивают Беглоя, автор усиливает сочувствие к своему герою: сравнения, связанные с грозными природными явлениями, и расположение места смерти героя у родника - символа всего чистого, вечного, животворящего - призваны укрупнить и драматизировать факт смерти, вызвать слёзы.

Куазь чилекьям кадь,	Как блеск молнии,
Матын тыл адскиз,	Близко огонь показался,
Куазь гудырьям кадь,	Как удар грома,
Пычал куара кылйськиз.	Выстрел ружья раздался.
Огкыл но вазьытэк,	Без единого слова,
Чик куара поттытэк,	Не издав даже голоса,
Беглой пи пограз	Беглой-молодец рухнул
Ошмеслен йыразяз.	По-над родником.
	/Подстрочный перевод/.

Смерть эта тем более трагична, что герой был ещё молод и красив. С портрета героя и начиналась баллада:

Сьбд молэслэн шораз,	Посреди чёрного леса,
Ошмеслен йыразяз,	По-над родником,
Пинал беглой сылэ.	Молодой Беглой стоит.
Бутырка йырсиё,	С кудрявыми волосами,

Чебер съѳд синкашо,
Мугорыз сюсьтыл кадь.

С красивыми чёрными бровями,
Стан как свеча.

/Подстрочный перевод/.

Одновременно с балладой М.Молгина появился рассказ марийского писателя С.Чавайна "Беглец" с подобным же типом героя и конфликта. Чдсез несколько лет удмуртский писатель К.Соловьѳв в повести "Длинный лог" даст уже имя Беглоу - Шактир, назовѳт место действия - окрестности деревни Актюмыр. Но время остается неопределѳнным. Как и всякое романтическое произведение, повесть ориентирована на универсальное обобщение и надвременные общечеловеческие ценности. Монологи героя, когда он говорит с любимой или с самим собой, превращаются в целые исповеди. Они убеждают в человечности героя и в проявляемой к нему жестокости. Смерть героя и здесь сопровождается романтическим фоном. Когда Шактира убили, его "низкий конь со ржанием бил копытами в землю и носился по коношине", "любимая Шактира, ожидая его, так и осталась в незамужестве", "мать и отец, ожидая вестей от сына и проливая слѳзы, умерли".

Романтического героя по-своему открыл К.Герд, опираясь в своих поисках на раннего Горького, финских романтиков, хотя его герой во многом похож и на автора-изгнанника повести "Дитя больного вока", которую Герд не мог знать. Малонисследованным остается герой его ранней лирики, который как раз и является традиционно романтическим. Он значительно снижен по сравнению с батырами и беглоями. Он не совершает героических или просто отчаянных поступков, не бежит из "душных городов" подобно героям русских романтиков, наоборот, в поэмах "Завод" и "Голубой дым" герой гонит себя на завод, в город, куда ушла его любимая. Лирический герой Герда противоречия с жизнью переживает прежде всего в себе. Двоемирие в душе героя становится более напряженным. Низкое и высокое, натуралистическое и идеальное, печаль и радость, плач и восторг, отчаяние и одержимость находятся в оппозиции в душе одного героя, универсально выражающего переживания удмурта, идущего в революцию. Радость его так велика, что в глазах светятся огни, сердце польхает огнем, но и отчаяние бывает так велико, что готов он всё проклясть: отсюда и укору в адрес всех и вся и в адрес своего сердца, "мягкого как тесто" и не умеющего ненавидеть

своих врагов, бороться и добиваться целей. Часто бывает полна таинственности и тревоги атмосфера, окружающая героя: звёзды светят с дрожью, раздаётся крик совы, поле пахнет кровью. Литерический герой нередко представляет себя несвободным: сидящим в тюрьме или возвращающимся из неё. А если он и свободен и по своей воле направляется в город, его обвалакивают и держат силы земли: зелень трав, красота цветов, тепло дорог. То, что романтизм проявлялся у Герда не только в его поэзии, которой вообще в силу её специфики присуще романтическое начало, и не только в начале его творчества, свидетельствуют написанные им в 1928 году воспоминания "У Максима Горького". Заметим характерную для романтического произведения другеройность этого законченного, написанного как бы на едином дыхании небольшого произведения. Автор говорит, что к Горькому в гости они пошли четвером, но кто были трое, что они говорили Горькому и Горький им, — об этом дальше нет ни слова. Герои: сам автор и великий русский писатель. В романтическом ключе даётся портрет Горького. Он высокий, немножко сутуловатый, на лоб полегли глубокие морщины, трудные годы побелили волосы. Высокий рост одновременно становится метафорой его высоких помыслов: Герду он "казался касающимся неба батыром из древних сказок". Горький, конечно, был высоким, конечно, был седым, всякий очевидец мог бы так написать. Но какой типичный для романтика принцип отбора деталей применяет Герд при описании интерьера квартиры Горького: на рояли цветы /цветы для Герда всегда были выражением идеального/, на одной стене висит марийское вышитое полотенце, на другой — картина с видом Неаполя /сочетание музыки, цветов, национальной экзотики и дальней легендарной страны/. Автор воспоминаний с Горьким на ты. "Книжки твои на удмуртском языке пришли попозже", — говорит он ему. И это не фамильярность. Следуя заданной поэтике, Герд романтизирует и себя. Раньше он чувствовал себя "червяком в гнилой яме", но Горький своими романтическими стихами "Валашская сказка" бросил в его сердце уголь, пылающий огнём.

Романтическое отношение к действительности было тотальным в удмуртской литературе начала века и 10-20-х годов. Оно охватило все роды и жанры литературы и повлияло на весь её дальнейший путь развития.